

Николай Гоголь

МЁРТВЫЕ ДУШИ

Инсценировка Андрея Курейчика

Действующие лица:

Павел Иванович Чичиков, коллежский советник.
Манилов, помещик.
Ноздрёв, помещик.
Собакевич, помещик.
Коробочка, помещица.
Плюшкин, помещик.
Губернатор.
Жена губернатора.
Дочь губернатора.
Полицмейстер.
Жена полицмейстера, приятная дама.
Прокурор.
Жена Прокурора, дама приятная во всех отношениях.
Капитан исправник.
Фемистоклюс
Алкид
Чиновники на балах.
Странный чиновник.
Дворовые.

ПРОЛОГ.

Гоголь. Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители были дворяне, но столбовые или личные – бог ведает. Отец, больной человек, в длинном сюртуке на мерлушках и в вязаных хлопанцах одетых на босую ногу... Вечное сидение на лавке, с пером в руках, чернилами на пальцах и даже на губах, вечная пропись перед глазами: «не лги, послушествоуй старшим и носи добродетель в сердце»... Потом городское училище... При расставании слёз не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее умное наставление: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту бог не дал, всё пойдёшь в ход и всех опередишь. А больше всего береги и копи копейку: эта вещь надёжнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой»...

Чичиков. А ведь так всё хорошо начиналось... Одним зимним утром отправился я в одно ведомство в Петербурге по известной части. Было у меня прошение по одному дельцу, впрочем, не очень крупному... И как водится, попал я в одну канцелярию... (*Канцелярия. Чичиков ждёт. Входит Странный чиновник*). Добрый день-с...

Странный чиновник. Кому добрый?

Чичиков. (*Подкладывая красненькую*). Для меня наисчастливейший, ибо имею честь лицеизреть вас.

Странный чиновник. (*Глядя на взятку*). Ваше имя?

Чичиков. Павел Иванович Чичиков-с... Коллежский советник.

Странный чиновник. Прощение имеете?

Чичиков. Пустяк... Право же пустячок. Маленькую просьбу, не смел бы даже и беспокоить, но без вас никак нельзя. (*Показывает бумагу*). Без вас никак нельзя...

Странный чиновник. Вижу, что нельзя.

Чичиков. Вот я и обратился, а теперь право же в смущении...

Странный чиновник. Отчего ж в смущении? Совсем незачем смущаться. Раз дело срочное, безотлагательное, так и рассмотрим его. А смущаться совсем не надо...

Чичиков. Вот и я так подумал... (*Протягивает ещё красненькую*). Только вы уж рассмотрите по совести. Прощение-то никчёмное, так для поддержки души...

Странный чиновник. Для поддержки души, значит... А вы, уважаемый Павел Иванович, о душе своей печётесь?

Чичиков. В смысле известном... К обедне как водится.

Странный чиновник. Но и благосостояния тела, я вижу, также не забываете...

Чичиков. Так ведь что душа без тела на земле – фу, даже звук один и никакого весу. Кому она нужна-то? Ну жил такой сякой, отжил своё и помереть изволил. Жена дети слезу пустили, чтоб благопристойность сохранить, помянули по-христиански, тело схоронили, да и дальше жить стали. А о душе так никто и не знает. Бесполезная она без тела на Руси.

Странный чиновник. Ой ли... Вот вы, Павел Иванович, говорите бесполезная. А ведь мёртвая душа – самый что ни на есть лучший товар. Что вы на меня так смотрите, Павел Иванович?

Чичиков. Да позвольте, кому такой товар нужен?

Странный чиновник. А ведь банку крестьянскому, ему-то всё равно за какие души по закладной платить: за мёртвые ли, за живые... Главное чтоб ревизские были. Всё ведь у нас по ревизским сказкам делается. Так на русской земле повелось... Один умер, другой родится, а всё в дело годится. Правильно я рассуждаю, Павел Иванович? (*Пауза*).

Чичиков. Так ведь вы мне... Так ведь... Благодетель! Благодетель вы мой! Эх я Аким простота, ищу рукавиц, а обе за поясом! Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока ещё не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уже двести тысяч капиталу! А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, немало. Правда, без земли нельзя ни купить, ни заложить. Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губернии отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю! Деревню можно назвать Чичикова слободка или сельцо Павловское. Но за что? Благодетель, за что такое счастье?

Странный чиновник. За то, что о душе печётесь.

Чичиков. Души! Души – вот что главное! А ведь как всё просто... И ведь никто не догадался... Весь смекалистый русский народ не додумался о таких важных свойствах души... (*Странный чиновник*

уходит). И чтоб живые мёртвых продавали! Селифан! Селифан! В дорогу! Гони! Мёртвых торговать буду! (И история начинается...)

Картина 1.

Бал у губернатора. Присутствуют основные чиновники города, дамы, помещики Манилов, Ноздрёв, Собакевич. Обстановка провинциальной роскоши, местечкового шика. Пока говорит голос, все кланяются, разговаривают и танцуют.

Гоголь. Бесчисленные, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его. Однажды в губернский город N приехал господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтобы слишком молод...

Губернатор. (В танце жене). Не правда ли, он очень благономеренный человек?

Жена губернатора. Да, очень благонамеренный человек.

Прокурор. (Собакевичу). Не правда ли он дельный человек?

Манилов. Какой преприятный человек. Ах...

Капитан-исправник. И учёный человек.

Председатель палаты. (В ответ). Да, он знающий и почтенный человек. Это точно, знающий и почтенный...

Полицмейстер. Почтенный и любезный человек.

Жена полицмейстера. Что ты, душенька мой, говоришь такое... Он любезнейший и обходительнейший человек.

Губернатор. Что и говорить, порядочный человек и всё тут. Порядочный!

Голос. Коллежский советник Павел Иванович Чичиков! (Входит Чичиков, производя фурор своим появлением. Он со всеми раскланивается, каждому пожимает руку, дамам кланяется с необыкновенной грацией и галантностью).

Манилов. (Горячо пожимая руку). Помещик Манилов. Ах, приезжайте ко мне, милейший Павел Иванович!

Чичиков. Не премину.

Собакевич. И ко мне прошу. Собакевич я. Помещик Собакевич.

Чичиков. С превеликим удовольствием.

Со всех сторон чиновники. И ко мне, к нам, на чай, на обед, на приём, приезжайте... ждём, премилый, прелюбезнейший, дорогой наш... Павел Иванович Чичиков! (Чичиков вырывается из окружения, выходит вперёд и делает жест победителя. Всё гаснет. Затемнение).

Гоголь. А ведь должно согласиться, престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы при том немалые.

Картина 1.

МАНИЛОВ

Гоголь. Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам. Наконец, он решился перенести свои визиты за город и навестить помещиков... Быть может, к сему побудила его другая, более существенная причина, дело более серьёзное, близшее к сердцу...

Манилов. Павел Иванович! Насилу вы таки нас вспомнили! (Обнимаются и целуются).

Чичиков. Как же, помнил всегда! Прошу вас...

Манилов. Нет, Павел Иванович, нет, вы гость.

Чичиков. Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь.

Манилов. Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

Чичиков. Почему ж образованному?... Пожалуйста, проходите.

Манилов. Ну да уж извольте проходить вы.

Чичиков. Да отчего ж?

Манилов. Ну да уж оттого! (Наконец протискиваются оба боком, слегка притиснув друг друга). А моя жена, всё вспоминала о вас. Да, уж она, бывало, всё спрашивает меня: “Да что же твой приятель не едет?” — “Погоди, душенька, приедет”. Уж такое, право, доставили наслаждение... майский день... именины сердца...

Чичиков. Ах, право, вы меня смутили... Да кто я таков, чтоб именины сердца...

Манилов. Как вам показался наш город?

Чичиков. Хороший город.

Манилов. А как вы нашли нашего губернатора? Не правда ли, что предпочтеннейший и прелюбезнейший человек?

Чичиков. Препочтейнейший человек. А как вышивает!

Манилов. Как?

Чичиков. Узорами...

Манилов. А вице-губернатор, не правда ли, какой милый человек?

Чичиков. Очень, очень достойный человек.

Манилов. А полицмейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?

Чичиков. Чрезвычайно приятный!

Манилов. (*Хочет ещё что-то спросить*). А...

Чичиков. (*Подхватывает*). А вы всегда в деревне проводите время?

Манилов. Больше в деревне. Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь всё время жить взаперти. Одичаешь!

Чичиков. Бывает и такое... "Не имей денег, имей хороших людей для обращения", сказал один мудрец.

Манилов. И знаете, Павел Иванович! Тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное наслаждение... Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастье...

Чичиков. Но позвольте прежде одну просьбу. (*Странно оглядывается. Манилов тоже*). Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

Манилов. Да уж давно; не припомню.

Чичиков. Как с того времени много у вас умерло крестьян?

Манилов. Многие умирали с тех пор. Точно, очень многие.

Чичиков. А как, например, числом?

Манилов. Я предполагаю, большая смертность; совсем не известно, сколько умерло.

Чичиков. А реестрик сделать можно?

Манилов. Можно и реестрик. А для каких причин вам это нужно? (*Пауза. Чичиков несколько смешался*).

Чичиков. Вы спрашиваете для каких причин? Причины вот какие: я хотел бы купить крестьян...

Манилов. Но позвольте спросить вас, как желаете купить крестьян: с землёю или просто на вывод?

Чичиков. Нет, я не то чтобы совершенно крестьян... (*Пауза*). Я желаю иметь мёртвых...

Манилов. (*Пауза*). Как-с? Извините... я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово...

Чичиков. Я полагаю приобрести мёртвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые. (*Манилов разинул рот. Пауза. Немая сцена*).

Манилов. Я?.. Нет, я не то... Но я не могу постичь... извините... я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении... Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

Чичиков. Нет, нет, я разумею предмет таков, как есть, то есть те души, которые, точно, уже умерли. (*Пауза*). Итак, если нет препятствий, то с богом можно бы приступить к совершению купчей крепости. Я привык ни в чём не отступать от гражданских законов — я немею перед законом. Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

Манилов. О! помилуйте, ничуть.

Чичиков. Теперь остаётся условиться в цене.

Манилов. Как в цене? Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили своё существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то со своей стороны я передаю их вам безынтересно и купчую беру на себя.

Чичиков. Как я могу отблагодарить вас, любезнейший друг мой!

Манилов. Это сущее ничто!

Чичиков. Что вы, что вы, благодетель мой!

Манилов. Я лишь хотел доказать чем-нибудь душевное влечение, магнетизм души, а умершие души в некотором роде совершенная дрянь.

Чичиков. Очень не дрянь. Если б вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и роду! Каких гонений, каких преследований не испытал я, какого горя не вкусил, а за что? За то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной и сироте-горемыке!.. (*Вдруз*). Мне пора.

Манилов. Ахз, детей вы моих не видели! Дети! (*Входят дети*). Позакомьтесь, мой дрожайший друг Павел Иванович Чичиков!

Чичиков. Ах, какие миленькие дети. А какой год?
Манилов. Старшему хм-ой, а меньшему вчера только минуло хм-хм-шесть. Фемистоклюс.
Чичиков. Как?
Манилов. Фемистоклюс. Красиво, и как-то даже по-гречески. Фемистоклюс, скажи мне, какой лучший город во Франции?
Фемистоклюс. Париж.
Чичиков. Bravo! (*Аплодирует*).
Манилов. А какой у нас лучший город?
Фемистоклюс. Петербург.
Чичиков. Невероятно!
Манилов. Не всё! Не всё! Это ещё не всё! Смотрите... А ещё какой?
Фемистоклюс. Москва.
Чичиков. Умница, душенька! Скажите, однако ж в такие лета и уже такие сведения! Я должен вам сказать, что в этом ребёнке будут большие способности.
Манилов. О! Вы ещё не знаете его. У него чрезвычайно много остроумия.
Чичиков. Да?
Манилов. Вот меньшей, Алкид...
Чичиков. Алкид?
Манилов. Тот не так быстр. А этот, если что-нибудь встретит: букашку, козявку, так уж у него вдруг глазёнки и забегают...
Чичиков. Что вы говорите?!
Манилов. Да! Побежит за ней следом и тотчас... обратит внимание!
Чичиков. Потрясающе!
Манилов. Я его прочу по дипломатической части. Фемистоклюс, хочешь быть посланником?
Фемистоклюс. Хочу. (*И укусил за ухо Алкида*).
Чичиков. Дети... Мне пора. Счастлив был, но очень спешу...
Манилов. Позвольте хоть проводить вас...
(*Выходят*).

Картина 2.

КОРОБОЧКА

Ночь. Буря. Дождь. Гроза. Громкий стук в дверь. Помещица Коробочка выходит со свечей.

Коробочка. Кто стучит? Чего расходились?
Чичиков. Приезжие, матушка, пусти переночевать.
Коробочка. Вишь ты, какой востроногий. Приехал в какое время! Здесь тебе не постоянный двор: помещица живёт.
Чичиков. Что ж делать, матушка: вишь с дороги сбились.
Коробочка. Да кто вы такой?
Чичиков. Дворянин, матушка.
Коробочка. Дворянин... (*Оттирает, Чичиков входит мокрый и взъерошенный*). В какое это время вас бог принёс! Сумятица и вьюга такая...
Чичиков. А могу ли полюбопытствовать, в какие места я заехал и далеко ли отсюда пути к помещику Собакевичу?
Коробочка. Не слыхивала такого имени.
Чичиков. По крайней мере знаете вы Манилова?
Коробочка. А кто такой Манилов?
Чичиков. Помещик, матушка.
Коробочка. Нет, не слыхивала никакого Манилова.
Чичиков. Какие же есть?
Коробочка. Бобров, Свинын, Канапатьев, Харпакин, Трепакин, Плешаков.
Чичиков. Богатые люди или нет?
Коробочка. Нет, отец, богатых слишком нет. У кого двадцать душ, у кого тридцать, а таких, чтоб по сотне, таких нет.
Чичиков. Далеко до города?

Коробочка. Нет...

Чичиков. Нет?

Коробочка. Вёрст шестьдесят.

Чичиков. Сколько?! Вот чёрт... (*Смотрит в окно*). Дождь прошёл... Скоро уж и ехать можно будет. А у вас, матушка, хорошая деревенька. Сколько в ней душ?

Коробочка. Душ-то в ней, отец мой, без малого восемьдесят.

Чичиков. Души это хорошо... А позвольте узнать фамилию вашу.

Коробочка. Коробочка, коллежская секретарша.

Чичиков. А имя и отчество?

Коробочка. Настасья Петровна.

Чичиков. Настасья Петровна? Хорошее имя Настасья Петровна. У меня тётка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

Коробочка. А ваше имя как? Ведь вы, я чай, заседатель?

Чичиков. Нет, матушка, чай, не заседатель, а так ездим по своим делишкам.

Коробочка. А, так вы покупатель! Как же жаль, право, что я продала мёд купцам так дешёво, а вот ты бы, отец мой, у меня, верно, его купил.

Чичиков. А вот мёду и не купил бы.

Коробочка. Что ж другое? Разве пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато: полпуда всего.

Чичиков. Нет, матушка, другого роду товарец: скажите мне, у вас умирали крестьяне?

Коробочка. Ох, батюшка, осьмнадцать человек! И умер такой всё славный народ, всё работники. После того, правда, народилось, да что в них: всё такая мелюзга; а заседатель подъехал — подать, говорит, уплачивать с души. Народ мёртвый, а плати, как за живого! На прошлой неделе сгорел у меня кузнец.

Чичиков. Разве у вас был пожар, матушка?

Коробочка. Зачем пожар? Сам сгорел... Чересчур выпил, гляжу, только синий огонёк пошёл от него, весь истлел, истлел и почернел, как уголь, а такой был преискусный кузнец!

Чичиков. На всё воля божья, матушка! Против мудрости божьей ничего нельзя сказать... Уступите-ка их мне, Настасья Петровна?

Коробочка. Кого, батюшка?

Чичиков. Да вот этих-то всех, что умерли.

Коробочка. Да как же уступить их?

Чичиков. Да так просто. Или, пожалуй, продайте. Я вам за них денег дам.

Коробочка. Да как же? Нешто хочешь ты их откапывать из земли?

Чичиков. Бог с вами, что вы, покупка будет только на бумаге значится, а души там будут прописаны как бы живые. Живые...

Коробочка. Да ведь они ж мёртвые.

Чичиков. Да кто же говорит, что они живые?

Коробочка. Ты, отец родной, и говоришь.

Чичиков. Только на бумаге. Я дам вам пятнадцать рублей.

Коробочка. Право, не знаю. Ведь я мёртвых ещё никогда не продавала.

Чичиков. Ну надо же когда-нибудь и начинать...

Коробочка. Меня только то затрудняет, что они уже мёртвые. (*Чичиков вздыхает и страдальчески возводит глаза к небу*).

Чичиков. Послушайте, матушка. Да вы рассудите только хорошенько: ведь вы разоряетесь, платите за него подать, как за живого...

Коробочка. Ох, отец мой, и не говори об этом! Ещё третью неделю внесла больше полтораosta. Да заседателя подмаслила.

Чичиков. Ну видите, матушка. Так что ж, по рукам, что ли?

Коробочка. Право, отец мой, никогда ещё не случилось продавать мне покойников. Живых-то я уступила, вот и третьего года протопопу двух девок, по сто рублей каждую, и очень благодарил, такие вышли славные работницы: сами салфетки ткут.

Чичиков. Так что?

Коробочка. Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как-нибудь не понести убытку.

Чичиков. Какого убытку?

Коробочка. Не знаю, мало ли... А вдруг они на что годные.

Чичиков. Кто?

Коробочка. Души...

Чичиков. На что годные?

Коробочка. Мало ли...

Чичиков. Ну так что, по рукам?

Коробочка. Да ведь они уже мёртвые.

Чичиков. *(Себе).* Дубинноголовая! В пот бросила, проклятая старуха! *(Коробочке).*

Гоголь. Вот тут Чичиков напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь; сколько не представляй ему доводов, ясных как день, всё отскакивает от него, как резиновый мяч отскакивает от стены.

Чичиков. Я вам про то и говорю! Слушайте. Я вам даю деньги: пятнадцать рублей ассигнациями. Понимаете, ассигнациями?

Корбочка. Понимаю, да...

Чичиков. Ведь это деньги.

Коробочка. Деньги, да...

Чичиков. Вы их не сыщите на улице.

Коробочка. Да где ж деньги на улице сыщешь? Ни за что не сыщешь!

Чичиков. Правильно. А я вам их даю за пустое!

Коробочка. Право, моё такое неопытное вдовье дело! Лучше ж я маленько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам.

Чичиков. Ооо! Какие купцы? Откуда купцы? Зачем?

Коробочка. А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся...

Чичиков. *(В бешенстве).* Мёртвые в хозяйстве! Вы это себе представляете?

Коробочка. С нами крестная сила! Какие страсти говоришь!

Чичиков. Куда ж ещё вы их хотели пристроить? Да, впрочем, ведь кости и могилы — всё вам останется. Можете их использовать, как хотите! Ну, так что же? Как же? Отвечайте по крайней мере!

Коробочка. Ей-богу, вдова я...

Чичиков. *(Бьёт стулом о пол).* Ну и чёрт с вами!

Коробочка. Ох, не припоминай его, бог с ним! Ещё третьего дня мне снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то бог и наслал его. Такой гадкий привиделся; а рога-то длиннее бычачьих.

Чичиков. Я дивлюсь, как они вам десятками не снятся! Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду... да пропади и околей со всей вашей деревней! Старая карга!

Коробочка. Да чего ж ты рассердился так горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсем тебе и не преклословила.

Чичиков. Что же это за страна такая — идиоты!

Коробочка. Я готова отдать за пятнадцать ассигнаций! Только уж, отец мой, с подрядами, если случится, не обидь.

Чичиков. Нет, матушка, не обижу. Список крестьян мне дайте... *(Коробочка идёт за списком. Чичиков вытирает пот).* Чтоб глаза мои тебя не видели! Эх уморила, проклятая старуха! *(Коробочка приносит список, Чичиков хватает его и уходит, за ним выбегает и Коробочка)*

Картина 3.

НОЗДРЁВ

Входит Чичиков, читая списки крестьян, навстречу ему Ноздрёв.

Ноздрёв. Ба, ба, ба! Какими судьбами?

Чичиков. Я...

Ноздрёв. Куда ездил? А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух! Веришь ли, никогда в жизни так не продувался. А ведь будь только двадцать рублей в кармане, двадцать, я отыграл бы всё, вот как честный человек, тридцать тысяч положил бы в бумажник. Зато, брат Чичиков, как покутили мы в первые дни! Штабс-ротмистер Поцелуев! Бордо называет просто бурдашкой. “Принеси, брат, говорит, бурдашки!” Поручик Кувшинников... Ах, брат мой, какой премилый человек! Какой кутила! Шампанское у нас было такое — что перед ним губернаторское? Просто квас! Вообрази, не клико, а какое-то клико матратадура! А! И ещё достал одну бутылочку французского под названием: бонбон.

Запах? Розетка и всё что хочешь! Уж так покутили! Верить ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!

Чичиков. Ну, семнадцать бутылок ты не выпьешь.

Ноздрёв. Как честный человек говорю, что выпил!

Чичиков. Ты можешь себе говорить что хочешь, а я тебе говорю, что и десяти не выпьешь.

Ноздрёв. Ну хочешь об заклад, что выпью!

Чичиков. К чему же заклад?

Ноздрёв. Ну поставь свой саквояж!

Чичиков. Не хочу.

Ноздрёв. Ну да поставь, попробуй!

Чичиков. И пробовать не хочу.

Гоголь. Да, таких людей как Ноздрёв приходилось всякому встречать немало. Они называются разбитными малыми... В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе «ты». Можно сказать, Ноздрёв был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории....

Ноздрёв. Эх, Чичиков, ну что бы тебе стоило приехать? Право, свинтус ты за это, скотовод эдакой! Поцелуй меня, душа, смерть люблю тебя! Ты куда теперь едешь?

Чичиков. А я к человечку одному.

Ноздрёв. Ну, что человечек, брось его! Поедем ко мне!

Чичиков. Нет, нельзя, дело есть.

Ноздрёв. Ну вот уж и дело! Уж и выдумал! Ах ты Оподедок Иванович! Поедем ко мне! Поехали, не пожалеешь!

Чичиков. (*Подумав*). А впрочем, пожалуй, поехали... (*Входят к Ноздрёву*).

Ноздрёв. Прошу! Прошу! (*Чичиков осматривается. Ноздрёв берёт колоду карт*). А что, брат, ну, для препровождения времени, держу триста рублей банку!

Чичиков. А! Чтоб не позабыть: у меня к тебе просьба.

Ноздрёв. Какая?

Чичиков. Дай прежде слово, что исполнишь.

Ноздрёв. Да какая просьба?

Чичиков. Ну, да уж дай слово!

Ноздрёв. Изволь.

Чичиков. Честное слово?

Ноздрёв. Честное слово.

Чичиков. Вот какая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые ещё не вычеркнуты из ревизии?

Ноздрёв. Ну, есть, а что?

Чичиков. Переведи их на меня, на моё имя.

Ноздрёв. А на что тебе?

Чичиков. Ну да мне нужно.

Ноздрёв. Да на что?

Чичиков. Ну да уж нужно... уж это моё дело, — словом, нужно.

Ноздрёв. Да уж, верно, что-нибудь затеял. Признайся что?

Чичиков. Да что ж затеял? Из эдакого пустяка и затеять ничего нельзя.

Ноздрёв. Так вот же: до тех пор, пока не скажешь, не сделаю!

Чичиков. Ну вот видишь, вот уж и нечестно с твоей стороны: слово дал, да и на попятный двор.

Ноздрёв. Ну, как ты себе хочешь, а не сделаю, пока не скажешь, на что.

Чичиков. Ладно, мёртвые души мне нужны для приобретения весу в обществе.

Ноздрёв. Врёшь, врешь! Врёшь, брат!

Чичиков. Ну, так я ж тебе скажу прямее, только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумал жениться; но нужно тебе знать, что отец и мать невесты преамбициозные люди. Такая, право, комиссия: не рад, что связался, хотя непременно, чтобы у жениха было никак не меньше трёхсот душ, а так как у меня целых почти полутора ста крестьян не достаёт...

Ноздрёв. Ну врешь! Врешь!

Чичиков. Вот уж здесь ни вот настолько не солгал!

Ноздрёв. Голову ставлю, что врешь!

Чичиков. Однако ж это обидно! Почему я непременно лгу?

Ноздрёв. Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мошенник, позволь мне это сказать тебе по дружбе! Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве. Ей-богу, повесил бы. Я тебе говорю это откровенно, не с тем, чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески говорю.

Чичиков. Всему есть границы. *(Собирается уходить, но затем оборачивается)*. Не хочешь подарить, так продай!

Ноздрёв. Продать! Да ведь я знаю тебя, ведь ты подлец, ты ведь дорого не дашь за них!

Чичиков. Смотри ты! Что, они у тебя бриллиантовые, что ли?

Ноздрёв. Ну, так и есть.

Чичиков. Помилуй, брат, что ж у тебя за жидовское побуждение! Ты бы должен просто отдать мне их.

Ноздрёв. Хорошо, чтоб доказать тебе, что я вовсе не какой-нибудь скалдырник, я не возьму за них ничего. Купи у меня жеребца, я тебе дам их в придачу.

Чичиков. Помилуй, на что ж мне жеребец?

Ноздрёв. Как на что? Да ведь я за него заплатил десять тысяч, а тебе отдаю за четыре.

Чичиков. Да на что мне жеребец? Завода я не держу.

Ноздрёв. Ты не понимаешь: ведь я с тебя возьму теперь всего три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мне после.

Чичиков. Да не нужен мне жеребец!

Ноздрёв. Не хочешь жеребца — не надо! Ну, купи каурую кобылу.

Чичиков. А кобыла чем лучше?

Ноздрёв. За кобылу возьму только две тысячи.

Чичиков. Да не нужны мне лошади.

Ноздрёв. Ты их продашь, тебе на первой ярмарке дадут за них вдвое больше.

Чичиков. Так лучше ж ты их сам продай, когда уверен, что выиграешь вдвое.

Ноздрёв. Я знаю, что выиграю, да мне хочется, чтобы и ты получил выгоду.

Чичиков. Благодарствую, не хочу!

Ноздрёв. Ну так купи собак. Я тебе продам пару, просто мороз по коже продирает! Брудастая, с усами, шерсть стоит вверх, как щетина. Бочковатость рёбер уму непостижимая, лапа вся в комке, земли не заденет.

Чичиков. Да зачем мне собаки? Я не охотник.

Ноздрёв. Да мне хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если уж не хочешь собак, так купи у меня шарманку, чудная шарманка; самому, как честный человек, обошлась в полторы тысячи; тебе отдаю за девятьсот рублей.

Чичиков. Не надо, ни коней, ни шарманки, ни непостижимой бочковатости рёбер... Не хочу!

Ноздрёв. Отчего ж ты не хочешь?

Чичиков. Оттого, что просто не хочу.

Ноздрёв. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалия!

Чичиков. Кто?!

Ноздрёв. Слушай, ракалия, ну хочешь метнём банчик? Я поставлю всех умерших на карту, шарманку тоже.

Чичиков. Решаться в банчик, значит, подвергаться неизвестности.

Ноздрёв. Отчего ж неизвестности? Никакой неизвестности! Будь только на твоей стороне счастье, ты можешь выиграть чёртову пропасть. Вон она! Экое счастье! *(Начинает метать для возбуждения задору)*. Экое счастье! Экое счастье! Вон: так и колотит! Вот та проклятая девятка, на которой я всё просадил! Продавай, проклятая! *(Вдруг спокойно)*. Отчего ж ты не хочешь играть?

Чичиков. Оттого что я вовсе не охотник играть.

Ноздрёв. Дрянь же ты!

Чичиков. Что ж делать? Так бог создал.

Ноздрёв. Фетюк просто!

Чичиков. Я тебя прошу только об одном, продай мне душ.

Ноздрёв. Чёрта лысого получишь! Хотел было, даром хотел отдать, но теперь вот не получишь же! Хоть три царства давай, не отдам! Печник гадкий! Эх... Лучше б ты мне просто на глаза не показывался! *(Пауза)*. Ну, так как, не хочешь играть на души?

Чичиков. Я же сказал тебе, брат, что не играю; купить — изволь, куплю.

Ноздрёв. Продать я не хочу, это будет не по-приятельски. Ну, послушай, сыграем в шашки, выиграешь — твои все. *(Выносит шашки)*.

Чичиков. *(Подумав)*. Ну изволь, так и быть в шашки сыграю. Только без плутовства!

Ноздрёв. Да ты что? Разве я похож на плута?!

Чичиков. Знаю я на кого ты похож...

Ноздрёв. Души идут в ста рублях!

Чичиков. Зачем же? Довольно, если пойдут в пятидесяти. (*Садятся за шашки*).

Ноздрёв. Сколько же ты мне дашь вперёд?

Чичиков. Это с какой стати? Конечно, ничего.

Ноздрёв. По крайней мере пусть будут мои два хода.

Чичиков. Не хочу, я сам плохо играю.

Ноздрёв. Знаем мы вас, как вы плохо играете! (*Выступает шашкой*).

Чичиков. Давненько не брал я в руки шашек! (*Подвигает шашку*).

Ноздрёв. Знаем мы вас, как вы плохо играете! (*Делает ход*).

Чичиков. Давненько не брал я в руки шашек! (*Подвигает шашку*).

Ноздрёв. Знаем мы вас, как вы плохо играете! (*Выступает шашкой, незаметно обшлагом рукава подвинув другую*).

Чичиков. Давненько не брал я в руки!.. (*Смотрит на доску*). Э, э! это, брат, что? Отсади-ка назад!

Ноздрёв. Кого?

Чичиков. Да шашку-то. (*Ноздрёв отсаживает, но каким-то образом пододвигает две других*). Нет! (*Встаёт из-за стола*). С тобой нет никакой возможности играть! Эдак не ходят по три шашки вдруг!

Ноздрёв. Отчего ж по три? Это по ошибке. Одна пододвинулась нечаянно, я её отодвину, изволь.

Чичиков. А другая-то откуда взялась?

Ноздрёв. Какая другая?

Чичиков. А вот эта, что пробирается в дамки?

Ноздрёв. Вот тебе на, будто не помнишь!

Чичиков. Нет, брат, я все ходы считал и всё помню; ты её только теперь пристроил. Её место вон где!

Ноздрёв. Как, где место? Да ты, брат, как я вижу, сочинитель!

Чичиков. Нет, брат, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.

Ноздрёв. За кого ты меня считаешь?

Чичиков. Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду.

Ноздрёв. Нет, ты не можешь отказаться — игра начата!

Чичиков. Я имею право отказаться, потому что ты не так играешь, как прилично честному человеку.

Ноздрёв. Нет, врешь, ты этого не можешь сказать!

Чичиков. Нет, брат, ты сам врешь! (*Подходит к доске и мешает шашки*).

Ноздрёв. (*Идёт на Чичикова*). Я тебя заставлю играть! Это ничего, что ты смешал шашки, я помню все ходы. Мы их поставим опять так, как были.

Чичиков. Нет, брат, дело кончено, я с тобою не стану играть.

Ноздрёв. Нет, скажи напрямик, ты не хочешь играть? (*Замахивается, но Чичиков хватает его за руки*). Порфирий! Павлуша! (*Входят два дюжих детины. Чичикову*). Так ты не хочешь оканчивать партии? Отвечай напрямик!

Чичиков. (*Дрожащим голосом*). Партии нет возможности оканчивать.

Ноздрёв. (*В бешенстве*). Так ты не хочешь оканчивать партии?

Чичиков. Если бы ты играл, как прилично честному человеку. Но теперь не могу.

Ноздрёв. А! Так ты не можешь, подлец! Когда увидел, что не твоя берёт, так и не можешь! Бейте его! Бейте его! Бейте! (*Крепостные идут на Чичикова, тот в панике, вдруг входит капитан-исправник*).

Исправник. Позвольте узнать, кто здесь господин Ноздрёв?

Ноздрёв. Позвольте прежде узнать, с кем имею честь говорить?

Исправник. Капитан-исправник.

Ноздрёв. А что вам угодно?

Исправник. Вы были замешаны в историю, по случаю нанесения помещику Максиму личное обиды розгами в пьяном виде.

Ноздрёв. Вы врётё! Я и в глаза не видал помещика Максимова!

Исправник. Милостивый государь! Позвольте вам доложить, что я офицер. Вы можете это сказать вашему слуге, а не мне! Пройдёмте! (*Ноздрёв и Исправник уходят, за ними убегает и Чичиков*).

Гоголь. Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины. Иной, например, даже человек в чинах, с благородною наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, разговориться с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышления, а потом, смотришь, тут же, перед вашими глазами, и нагадит вам. И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как человек со звездой на груди...

Картина 4.

СОБАКЕВИЧ.

Входят Собакевич и Чичиков.

Собакевич. Прошу.

Гоголь. Когда Чичиков взглянул скося на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со всего плеча:хватила топором раз – вышел нос,хватила в другой раз – вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: «живёт!»

Чичиков. Мы об вас вспоминали у председателя палаты, у Ивана Григорьевича в прошедший четверг. Очень приятно провели там время.

Собакевич. Да, я не был тогда у председателя.

Чичиков. А прекрасный человек!

Собакевич. Кто такой?

Чичиков. Председатель.

Собакевич. Ну, может быть, это вам так показалось: он, может, и масон, а такой дурак, какого свет не производил. *(Пауза).*

Чичиков. Конечно, всякий человек не без слабостей, но зато губернатор какой превосходный человек!

Собакевич. Губернатор превосходный человек?

Чичиков. Да, не правда ли?

Собакевич. Первый разбойник в мире!

Чичиков. Как, губернатор разбойник?

Собакевич. Ещё какой!

Чичиков. Признаюсь, этого я бы никак не подумал. Но позвольте, он же даже кошельки собственными руками вышивает, а лицо в таком ласковом выражении...

Собакевич. И лицо разбойничье! Дайте ему только нож да выпустите его на большую дорогу — зарежет, за копейку зарежет! Он да ещё вице-губернатор — это Гога и Магога! *(Пауза).*

Чичиков. Впрочем, что до меня, мне, признаюсь, более всех нравится полицмейстер. Какой-то этакой характер прямой, открытый; в лице видно что-то простосердечное.

Собакевич. Мошенник! Продаст, обманет, ещё пообедает с вами! Я их знаю всех: это всё мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья. *(Пауза. Указывает на стол.)* Прошу! *(Садятся обедать).*

Чичиков. Благодарствую, стол однако ж недурён.

Собакевич. Я прямо скажу, я гадостей не стану есть! Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму её в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю на что устрица похожа. Это всё выдумали доктора немцы да французы, я бы их перевешал за это! выдумали диету, лечить голодом! Что у них немецкая жидкостная натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят! Нет, это всё не то, это всё выдумки... У меня не так. У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует! У меня не так, как у какого-нибудь Плюшкина: восемьсот душ имеет, а живёт и обедает хуже моего пастуха!

Чичиков. Кто такой этот Плюшкин?

Собакевич. Мошенник. Такой скряга, какого вообразить трудно. В тюрьме колодники лучше живут, чем он: всех людей переморил голодом.

Чичиков. *(С живым участием).* Вправду! И вы говорите, что у него, точно, люди умирают в большом количестве?

Собакевич. Как мухи мрут.

Чичиков. Неужели как мухи! А позвольте спросить, как далеко живёт он от вас?

Собакевич. В пяти верстах.

Чичиков. В пяти верстах! *(Думает).* Я хотел было поговорить с вами об одном дельце. *(Пауза).* Русское государство, как известно, превелико и пребогато, широтой просторов своих превзошло даже древнюю римскую монархию, которая тоже была не маленькая. Иностранцы этому чуду справедливо удивляются... Так вот, ревизские души, окончившие жизненное поприще, числятся, однако ж, до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми и...

Собакевич. (*Перебивает*). Вам нужно мёртвых душ?

Чичиков. (*Смутившись*). Да.

Собакевич. Найдутся, почему не быть...

Чичиков. А если найдутся, то вам, без сомнения... Будет приятно от них избавиться?

Собакевич. Извольте, я готов продать.

Чичиков. Продать...

Собакевич. Продать!

Чичиков. А, например, как же цена? Хотя, прочем, это такой предмет... что о цене даже странно...

Собакевич. А что странного? Да чтоб не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей штуку!

Чичиков. (*Вскрикивает*). По сту!

Собакевич. Что ж, разве это для вас дорого? А какая бы, однако ж, ваша цена?

Чичиков. Моя цена! Мы, верно, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга, позабыли, в чём состоит предмет. Я полагаю: по восьми гривен за душу, это самая красивая цена!

Собакевич. Эх куда хватили — по восьми гривенок! Да вы торгуйтесь, говорите настоящую цену!

Чичиков. Не могу, Михаил Семёнович, поверьте моей совести, не могу: чего уж невозможно сделать, того невозможно сделать. Ну два рубли.

Собакевич. Да чего вы скупитесь? Право, недорого! Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! Ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные.

Чичиков. Но его уже не нет...

Собакевич. А Пробка Степан, плотник? Я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика.

Чичиков. Но и его тоже, того, уже...

Собакевич. Милушкин, кирпичник! Мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнёт, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного. А Еремей Сорокоплёхин! Ведь вот какой народ! Это не то, что вам продаст какой-нибудь Плюшкин.

Чичиков. Но позвольте, ведь это всё народ мёртвый.

Собакевич. Да.

Чичиков. Что, да?

Собакевич. Мёртвый. Ну и что?

Чичиков. Ну и то, что мёртвый.

Собакевич. Да, конечно, мёртвый. А живые что? Мухи, а не люди.

Чичиков. Да всё же они существуют, а это ведь мечта.

Собакевич. Извольте, чтоб не говорили, что я дорого запрашиваю, извольте...

Чичиков. Ну слава богу...

Собакевич. По семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнациями, право только для знакомства! (*Пауза, Чичиков отирает пот*).

Чичиков. Извольте, по полтине прибавлю.

Собакевич. Ну, извольте, и я вам скажу тоже моё последнее слово: пятьдесят рублей! Право, убыток себе, дешевле нигде не купите такого хорошего народа!

Чичиков. Два с полтиною не хотите — прощайте!

Собакевич. Ну, бог с вами, давайте по тридцати и берите их себе!

Чичиков. Нет, я вижу, вы не хотите продать, прощайте!

Собакевич. Позвольте, позвольте! (*Схватил его за руку и наступил на ногу*). Какая ж ваша будет последняя цена?

Чичиков. Два с полтиною.

Собакевич. Ну, нечего с вами делать, извольте! Убыток, да уж нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему. (*Собакевич достаёт список*). Пожалуйста задаточек! (*Чичиков отдаёт деньги Собакевичу, тот пишет расписку. Смотрит на ассигнацию*). Бумажка-то старенькая! Немножко разорвана, ну да между приятелями нечего на это глядеть.

Чичиков. (*Себе*). Кулак, кулак! Да ещё и бестия в придачу!

Собакевич. Ну прощайте! Благодарю, что посетили; прошу и впредь не забывать; коли выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провести. Может быть, опять случится услужить чем-нибудь друг другу. (*Уходит*).

Чичиков. Да, как бы не так! По два с полтиною содрал за мёртвую душу, чёртов кулак! Одно слово — Собакевич! (*Уходит*).

Гоголь. Да, выражается сильно российский народ! И если наградит кого словом, то пойдёт ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом не хитри, не облагораживай своё прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за

наёмную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все своё воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица.

Картина 5.

ПЛЮШКИН.

Выходит ключница, занимается какими-то домашними делами. Выходит Чичиков.

Чичиков. Послушай, матушка. Что барин?

Ключница. Нет дома. А что вам нужно?

Чичиков. Есть дело!

Ключница. А что за дело?

Чичиков. Да где барин?

Ключница. Здесь.

Чичиков. Где же?

Ключница. Что, батюшка, слепы-то, что ли? Эхва! А вить хозяин-то я! *(Длинная пауза).*

Чичиков. Помещик Плюшкин?

Плюшкин. Он самый... А с кем имею честь?

Чичиков. Коллежский советник Павел Иванович Чичиков. Наслышась о экономии вашей и редком управлении имениями, почёл за долг познакомиться и принести лично своё почтение.

Плюшкин. *(Себе).* А побрал бы тебя чёрт с твоим почтением! *(Чичикову).* Прошу покорнейше садиться. Я давненько не вижу гостей, да, признаться сказать, в них вижу мало проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущения... да и лошадей их корми сеном! Эх, того и гляди пойдёшь на старости по миру!

Чичиков. Мне однако же сказали, что у вас более тысячи душ.

Плюшкин. А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали тому, который это сказывал! Вот, бают, тысячи душ, а поди-тка сосчитай, а и ничего не начтёшь! Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков.

Чичиков. Скажите, и много выморила?

Плюшкин. Да, снесли многих.

Чичиков. Соболезную, соболезную...

Плюшкин. Да ведь соболезнование в карман не положишь. Вот возле меня живёт капитан; чёрт знает его, откуда взялся, говорит — родственник: “Дядюшка, дядюшка!” — и в руку целует, а как начнёт соболезновать, вой такой подымет, что уши береги. С лица весь красный. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, или театральная актриса выманила, так вот он теперь и соболезнует!

Чичиков. Ну у меня совсем другого рода соболезнования. И я не пустыми словами, а делом готов доказать его и, не откладывая далее, без всяких обиняков, я готов принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями.

Плюшкин. Да ведь как же? Ведь это вам самим-то в убыток?

Чичиков. Для удовольствия вашего готов и на убыток.

Плюшкин. Ах, батюшка! Ах, благодетель мой! Вот утешили старика! Ах, господи ты мой! Ах, святители вы мои! *(Захлёбывается в словах. Вдруг спокойно).* Как же, с позволения вашего, чтобы не рассердить вас, вы за всякий год берётесь платить за них подать? И деньги будете выдавать мне или в казну?

Гоголь. И до какой же ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаёт назад и обратно! Могила милосерднее её, на могиле напишется: «Здесь погребён человек!» -- но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости.

Чичиков. Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость, как бы они были живые и как бы вы мне их продали.

Плюшкин. Да, купчую крепость... Ведь вот купчую крепость — всё издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводку круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие!

Чичиков. Из уважения к вам я готов принять даже издержки по купчей на свой счёт.

Плюшкин. Ах ты, батюшка, благодетель мой! Сейчас, сейчас... (*Ищет что-то в буфете*). Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликёрчик, если только не выпили! Народ такие воры! А вот разве не это ли он? (*Вынимает старый, пыльный графинчик*). Ещё покойница делала. Мошеница ключница совсем было его забросила, даже не закупила, каналья! Козьявки и всякие дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькая; я вам налью рюмочку.

Чичиков. Благодарю покорно...

Плюшкин. Надо вспрыснуть...

Чичиков. Да нет уж.

Плюшкин. Чего так?

Чичиков. Я уж ел и пил.

Плюшкин. Пили уже и ели! Да, конечно, хорошего человека хоть где узнаешь... Да, ведь вам нужен реестрик всех этих тунеядцев? Как же, я, как знал, всех их списал на особую бумажку, чтоб при первой подаче ревизии всех их вычеркнуть. (*Роется в вещах, находит бумажку, отдаёт её Чичикову*). А не знаете ли вы какого-нибудь вашего приятеля, которому бы понадобились беглые души?

Чичиков. А у вас есть и беглые?

Плюшкин. В том-то и дело, что есть.

Чичиков. Хорошо, давайте и беглых... (*Берёт реестрик беглых. Даёт Плюшкину ассигнацию.*) За всех... (*Плюшкин тщательно пересчитывает деньги и тут же прячет*).

Плюшкин. А что, вы уже собираетесь ехать?

Чичиков. Ну...

Плюшкин. И чайку не попьёте? Заварочка то трёхнедельная правда...

Чичиков. Нет уж, чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время. Разрешите откланяться!

Плюшкин. Прощайте, батюшка, да благословит вас бог! (*Плюшкин выходит*).

Гоголь. Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту: всё равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишка, село ли, слободка, -- любопытного много открывал в нём детский взгляд. Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на её пошлую наружность; моему охлаждённому взору неприятно, мне не смешно и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста... О моя юность! О моя свежесть!

Картина 6.

ЧИЧИКОВ

Чичиков один, достаёт реестрики, пересматривает.

Чичиков. Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! Что вы, сердечные мои, поделывали на веку своём, как перебивались? Пётр Савельев Неуважай-Корыто. Эх, какой длинный, во всю строку разъехался! Мастер ли ты был, или просто мужик, и какой смертью тебя прибрало? В кабаке ли, или среди дороги переехал тебя сонного неуклюжий обоз? Пробка Степан, плотник, трезвости примерной. А! вот он! Чай, все губернии исходил с топором за поясом и сапогами на плечах, съедал на грош хлеба да на два сушёной рыбы, а в мошне, чай притаскивал рублей по сту, — где тебя прибрало? Взмогился ли ты под церковный купол и, поскользнувшись, оттуда, с перекладины, шлёпнулся оземь, и только какой-нибудь дядя Михей, почесав рукою в затылке, промолвил: “Эх, Сеня, угораздило тебя!” — а сам, подвязавшись верёвкой, полез на твоё место. Максим Телятников, сапожник. Хе, сапожник! “Пьян, как сапожник”, говорит пословица. Знаю, знаю тебя, голубчик; если хочешь, всю историю твою расскажу: учился ты у немца, который кормил вас всех вместе, бил ремнём по спине за неаккуратность и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник. А как кончилось твоё учение: “А вот теперь я заведу свой домком, — сказал ты, — да не так, как немец, что из копейки тянется, а вдруг разбогатею”. И вот, давши барину порядочный оброк, завёл ты лавчёнку, набрав заказов кучу. Достал где-то втридешо гнилушки кожи и выиграл, точно, вдвое на всяком сапоге, да через недели две перелопались твои сапоги, и выбрали тебя подлейшим образом. И вот лавчонка твоя запустела, и ты пошёл попивать да валяться по улицам, приговаривая: “Нет, плохо на свете! Нет житья русскому человеку, всё немцы мешают!” Это что за мужик: Елизавета Воробей. Фу ты пропасть: баба! Она как сюда затесалась? Подлец, Собакевич, и здесь надул! (*Вычёркивает*). Григорий Доезжай-не-доедешь! Ты что был за человек? На дороге ли ты отдал душу богу, или уходили тебя твои же приятели за какую-

нибудь толстую и краснощёкую солдатку, или, может, и сам, лежа на полатах, думал-думал, да ни с того, ни с другого заворотил в кабак, а потом прямо в прорубь, и поминай как звали. Еремей Карякин, Никита Волокита, Антон Волокита, сын, значит, Пименов, Абакум Фыров... Эх, русский народец! Не любит умирать своей смертью! Не любит! (*Уходит, довольный своими приобретениями*).

Антракт

АКТ 2.

ДУШИ

Картина 7.

Губернаторский дом. В зале Губернатор, его жена, дочь, Полицмейстер, его жена, Прокурор, его жена, Собакевич и Манилов.

Гоголь. Во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребёнок. Какие искривлённые, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избрало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги.

Полицмейстер. Да он миллионщик...

Губернатор. Кто миллионщик?

Полицмейстер. Чичиков.

Губернатор. Чичиков миллионщик?

Прокурор. Он одних крестьянских душ на вывод купил на двести тысяч. Собакевич и Манилов продали...

Губернатор. Да? Где они? А вот... (*Подходит к Манилову и Собакевичу. Собакевичу*). Как здоровье?

Собакевич. Не пожалуюсь.

Губернатор. А батюшка ваш как?

Собакевич. Умер.

Губернатор. А здоровье?

Собакевич. На медведя один хаживал.

Губернатор. Прекрасно... Прекрасно. Так вы продали?

Собакевич. Продал.

Губернатор. Ясно... (*Оборачивается к Манилову*). А вы?

Манилов. Я с превеликим удовольствием...

Губернатор. Что с превеликим удовольствием?

Манилов. Всё... с превеликим удовольствием...

Жена прокурора. По лоску видно было, только у миллионщиков столько особенного лоску.

Жена губернатора. Слышишь, доченька, Павел Иванович у нас миллионщик. Нравится тебе Павел Иванович?

Губернатор. Я вот хотел спросить... А сколько у него миллионов? (*Вдруг врывается Ноздрёв*).

Ноздрёв. У кого, у Чичикова? Эх, брат, Чичиков! Богат, богат, спору нет...

Губернатор. Сильно богат?

Ноздрёв. Чертовски! Как Агамемнон!

Жена губернатора. Как что?

Прокурор. Как китайский император.

Жена прокурора. Да неужели? А по лицу и не скажешь. С виду-то он наш, русский...

Губернатор. Так, мне всё ясно. (*Входит Капитан исправник*).

Капитан исправник. (*Вдруг объявляет*). Херсонский помещик Павел Иванович Чичиков! (*Пауза. Все поражены*). Миллионщик! (*Ноздрёв незаметно убегает*).

Сцена 8.

Начинается всеобщее метание. Дамы в панике прихорашиваются, спешно накрывают столы. Всё преображается к роскошному балу. Входит Чичиков, все бросаются его приветствовать.

Губернатор. Павел Иванович! Ах боже мой, Павел Иванович!

Прокурор. Любезный Павел Иванович!

Жена губернатора. Почтеннейший Павел Иванович!

Полицмейстер. Вот он наш, Павел Иванович! Позвольте прижать вас, Павел Иванович!

Жена прокурора. Ах, каков наш Павел Иванович!

Манилов. Ну вот и вы, душа моя, Павел Иванович! (*Чичиков видит губернаторскую дочь и тут же, поражённый ею, влюбляется в неё*).

Жена губернатора. Позвольте вам отрекомендовать, наша дочь, институтка, только что выпустилась. Доченька, а это и есть Павел Иванович Чичиков.

Чичиков. Польщён знакомством...

Губернатор. (*Поднимает кубок*). За нового Херсонского помещика!

Все. За Павла Ивановича Чичикова! (*Пьют*).

Губернатор. (*Уже подвыпивший*). Нет, Павел Иванович, как вы себе хотите, но мы вас никуда не отпустим! Вот мы вас женим! Не правда ли, Иван Григорьевич, женим его?

Прокурор. Женим! Женим! Уж как ни упирайтесь руками и ногами, мы вас женим! Нет, батюшка, попали сюда, так не жалуйтесь. Мы шутить не любим!

Чичиков. Что ж? Зачем упираться руками и ногами, женитьба ещё не такая вещь, чтобы того, была бы невеста!

Манилов. Будет и невеста, как не быть, всё будет, всё, что хотите!

Собакевич. А коли будет...

Все. Bravo остаётся! Виват, ура, Павел Иванович! Ура! (*Все веселятся. Чичиков отделяется от толпы и подсаживается к дочери губернатора*).

Чичиков. Разрешите... (*дочери губернатора*). Как вы поживаете в этих местах?

Дочь губернатора. Хорошо.

Чичиков. Не страдаете ли отчего-нибудь?

Дочь губернатора. Не страдаю.

Жена прокурора. (*Жене полицмейстера*). Вы видели? Не замечает... Только на институтку и смотрит.

Чичиков. (*Дочери губернатора*). Так вот, я как раз хотел иметь честь, дабы доставить вам удовольствие, путём рассуждений о в высшей степени благообразных вещах... (*Дочь губернатора зевает*). ...кои, несомненно, принесут пользу в воспитании, (*Дочь губернатора снова зевает*) порассказать вам несколько историй из жизни философа Диогена, который, как известно, жил в бочке. (*Чичиков смеётся, дочь губернатора зевает*). А ещё сей занимательный философ...

Сцена 9.

Вдруг невеста откуда в комнату врывается пьяный Ноздрёв, видит Чичикова.

Ноздрёв. А, херсонский помещик! Херсонский помещик! Что? Много наторговал мёртвых? Ведь вы не знаете, ваше превосходительство — он торгует мёртвыми душами! Ей-богу! Послушай, Чичиков! Ведь ты, — я тебе говорю по дружбе, вот мы все здесь твои друзья, вот и его превосходительство здесь, — я бы тебя повесил, ей-богу повесил! (*Пауза. Губернаторская дочь прыснула со смеху*).

Губернатор. Это что?

Прокурор. Ноздрёв.

Губернатор. Сам вижу. А несёт что?

Прокурор. (*Полицмейстеру*). Что он несёт?

Полицмейстер. Не могу знать! Упились...

Чичиков. Позвольте...

Ноздрёв. (*Никого не слушая*). Поверите ли, ваше превосходительство, как сказал он мне: “Продай мёртвых душ!” — я так и лопнул со смеха. Приезжаю сюда, мне говорят, что накупил на три миллиона крестьян на вывод: каких на вывод! Да он торговал у меня мёртвых!

Чичиков. Позвольте...

Ноздрёв. Послушай, Чичиков, да ты скотина!

Чичиков. Позв...

Ноздрёв. Ей богу, скотина! Вот и его превосходительство здесь, не правда ли прокурор?

Жена полицмейстера. Какой конфуз...

Жена прокурора. Боже мой, что мы слышим...

Чичиков. (*Ноздрёву*). Оставьте меня!

Ноздрёв. Уж ты, брат, ты, ты... я не отойду от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мёртвые души. Послушай, Чичиков, ведь тебе, право, стыдно, у тебя, ты сам знаешь, нет лучшего друга как я! Вы не поверите, ваше превосходительство, как мы друг к другу привязаны, то есть, просто если бы вы сказали, вот, я тут стою, а вы бы сказали: “Ноздрёв! Скажи по совести, кто тебе дороже, отец родной или Чичиков?” — скажу: “Чичиков!”, ей-богу... Позволь, душа, я тебе влеплю один безе. *(Лезет целоваться)*.

Чичиков. Отойдите от меня! Но позвольте, позвольте...

Ноздрёв. Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щёчку твою! *(Целует Чичикова, тот в бешенстве отталкивает его. дочь губернатора хохочет. Все сконфужены происходящим. Пауза.)*.

Чичиков. Отстаньте от меня! Отстаньте... *(Всё плывёт у него перед глазами, люди вокруг него становятся нереальными. Ему кажется, что люди становятся гротескными уродами, мёртвыми душами, они все смеются над ним, он хватается за голову, закрывает глаза)*.

Бал! Бал! Бал!

Сцена 10.

Чичиков один. Изнеможенный, постаревший садится...

Чичиков. Чтоб вас чёрт побрал всех, кто выдумал эти балы! Ну, чему сдуру обрадовались? В губернии неурожаи, дороговизна, так вот они за балы! Ах, этот Ноздрёв — собака! Скотина, подлец, мерзавец, турок! Морда бесстыжая, а всё одно её в каждую щель просунет! И дёрнул чёрт меня с ним связаться! Нет, нет, хватит... Хватит с меня всего этого, хватит с меня губернских балов, сегодня же в дорогу. Сегодня же! сейчас же! Селифан! Селиван! Бричку! *(Начинает собираться, но вдруг останавливается)*. Э... Павел Иванович, видать, совсем ты себе нервишки расстроил, раз дебошира, вруна завязатого испугался... Ну чего ты суетишься? Кто ж ему поверит? Он же правдивого слова за всю свою проклятую жизнь не сказал! Никто не поверит... Так чего ж мне как вору последнему, бежать? Чего? Не буду я никуда бежать... Ничего, ничего, всё уладится... Всё уладится... Только вот Ноздрёв — морда! *(Уходит)*.

Сцена 11.

Жена прокурора. Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька Анна Григорьевна, позвольте рассказать!

Жена полицмейстера. Ну?

Жена прокурора. Говорят, приехала недавно в город помещица Коробочка, перепуганная, бледная как смерть, и рассказывает, и рассказывает, послушайте только, совершенный роман: вдруг в глухую полночь, когда всё уже спало в доме, раздаётся в ворота стук, ужаснейший, кричат: “Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота!” Каково вам? Каков же после этого прелестник?

Жена полицмейстера. Да что Коробочка, разве молода и красива?

Жена прокурора. Ничуть, старуха.

Жена полицмейстера. Ах, прелести! То институтки, то старухи! Что же он за человек?

Жена прокурора. Да нет, Анна Григорьевна. Нет, совсем не то... Вообразите себе только: является вооружённый с ног до головы, вроде Ринальда Ринальдина, и требует: “Продайте, говорит, мёртвых душ!” Коробочка отвечает резонно: “Я не могу продать, потому что они мёртвые”. — “Нет, говорит, они не мёртвые, это моё, говорит, дело знать, мёртвые ли они или нет! Они не мёртвые, не мёртвые, кричит, не мёртвые!” Словом, скандалёзу наделал ужасного: вся деревня сбежалась, ребёнки плачут, всё кричит, никто никого не понимает!

Жена полицмейстера. Странно...

Жена прокурора. Заставил её подписать какую-то фальшивую бумагу, бросил пятнадцать рублей ассигнациями... “Я, она говорит, неопытная беспомощная вдова, я ничего не знаю”... Так вот!

Жена полицмейстера. Странно... Но только, вы как хотите, а мёртвые души здесь ни причём! Что-то здесь другое...

Жена прокурора. *(Вдруг выпалила)*. Это просто выдуманно только ради прикрытия — он хочет похитить губернаторскую дочку! *(Пауза)*. Во-о-от... *(Входит прокурор)*.

Прокурор. Душенька...

Жена прокурора. Ах, как вы кстати, друг мой! Нам надо кое-что вам порассказать... *(Хватают его под руки и утаскивают со сцены, наперебой сообщая им своё открытие).*

Сцена 13.

На сцену в диком возбуждении выбегают Губернатор, чиновники и их жёны.

Губернатор. Мёртвые?

Прокурор. Именно...

Губернатор. А дочь похитить?

Полицмейстер. Так точно, похитить...

Губернатор. Мою?

Жена полицмейстера. Вашу... институтку — и на Кавказ!

Жена прокурора. Вашу, вашу — а кого ж ещё?

Губернатор. *(Глядя на жён).* Это правда, больше некого. И всё равно я ничего не понимаю! Что ж за притча эти мёртвые души? И причём здесь моя дочка? Если ж он хотел увезти её, так зачем для этого покупать мёртвые души? Если же покупать мёртвые души, так зачем увозить мою дочку? Подарить, что ли, он хотел ей эти мёртвые души?

Губернаторша. Боже упаси, вот так подарочек...

Губернатор. Так, где дочь?

Губернаторша. Сейчас. *(Убегает).*

Жена прокурора. *(Жене полицмейстера шёпотом).* Всё же ясно, Чичиков давно уже влюблён. Они встречались в саду, при лунном свете. Ага. Губернатор даже бы отдал за него дочку, потому что Чичиков богат, как жид, если бы не жена...

Жена полицмейстера. Чья жена, губернатора?

Жена прокурора. Чичикова, которую он бросил. А она за это написала письмо.

Жена полицмейстера. Чичикову?

Жена прокурора. Губернатору. И тогда он и решился на похищение.

Жена полицмейстера. Губернатор?

Жена прокурора. Чичиков.

Губернатор. Что за разговорчики! Почему я последний узнаю обо всём? А?

Полицмейстер. Не могу знать!

Губернатор. Это правда. Я хоть последний, но узнаю.

Сцена 14.

Утро. Выходит Чичиков. Он несколько оправился от произошедших событий. Он начинает совершать свой утренний туалет: тереть мылом щёки, брызгаться одеколоном, рассматривать в зеркале своё лицо, придавая ему самое различное выражение. Репетирует поклоны, бормоча что-то вроде французского...

Гоголь. Целый час был посвящён только на одно рассматривание лица в зеркале. Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то почтительное, но с некоторою улыбкою, то просто почтительное без улыбки; отпущено было в зеркало несколько поклонов в сопровождении неясных звуков, отчасти похожих на французские, хотя по-французски Чичиков не знал вовсе. Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов, подмигнул бровью и губами и сделал кое-что даже языком; словом, мало ли чего не делаешь, оставшись один, чувствуя притом, что хорош, да к тому же будучи уверен, что никто не заглядывает в щёлку.

Чичиков. Вот я тебе сделаю приятность. А теперь я сделаю-ка тебе сюрприз! Ах, ты мордашка эдакой! Хорош ведь! Хорош... Пожалуй, надо сегодня навестить губернатора! Да и прокурора с полицмейстером тоже бы следовало проведать... Селифан! Селифан, одеваться... *(Уходит).*

Сцена 15.

Входят Губернатор, Полицмейстер, Прокурор, их жёны, Собакевич и Манилов.

Губернатор. Итак, я собрал вас для того, чтобы прояснить один только вопрос. Кто таков Чичиков? И зачем ему мёртвые души?

Жена губернатора. Это уже два вопроса.

Губернатор. Итак! У кого какие мнения есть?

Прокурор. А не есть ли Чичиков подосланный чиновник из канцелярии генерал-губернатора для произведения тайного следствия?

Полицмейстер. *(Испуганно)*. Какого следствия?

Прокурор. Ну например, насчёт траты средств на улучшение лечения больных.

Полицмейстер. Так ведь улучшили...

Губернатор. А больные?

Полицмейстер. Померли...

Губернатор. Какая неблагодарность. Ничего для них не жалеешь, а они мрут как мухи... *(Все переглядываются)*.

Жена прокурора. Вздор. Какой же он следователь?

Манилов. Признаться, я тоже этому никогда не поверю.

Губернатор. Тогда кто?

Полицмейстер. Мне из столицы пришла бумага, что в нашей губернии находится делатель фальшивых ассигнаций. И другая бумага, об убежавшем от законного преследования разбойнике!

Жена прокурора. Бог ты мой, так он душегуб!

Жена полицмейстера. Разбойник. Сенька Разин! Кто бы мог подумать?

Губернатор. И что будем делать?

Прокурор. Расспросы следует учинить.

Губернатор. Правильно. Кто его видел? Мы все его видели. А кто его знал? Господин Манилов?

Манилов. Я за Павла Ивановича всегда готов ручаться, как за самого себя, и готов пожертвовать всем своим имением, чтобы иметь хоть сотую долю качеств Павла Ивановича... Ибо дружба...

Губернатор. Всё ясно. Ещё свидетели есть?

Полицмейстер. Помещица Коробочка...

Губернатор. Сюда её! *(Прокурор вводит Коробочку)*.

Коробочка. Ой, ваше благородие, сени-то, сени-то у вас какие, просторные... Ой, сколько господ, помилосердствуйте, что я без туалету... Вдова я.

Губернатор. Ты помещица Коробочка?

Коробочка. Что, отвечать, да? Коробочка я, помещица, ваше высокоблагородие.

Губернатор. Что имеешь сказать о Чичикове?

Коробочке. Об чём, отец родной?

Губернатор. Об Чичикове.

Коробочка. Ага, ага, об Чичикове. Имею сказать, ничего...

Губернатор. Вот те на.

Прокурор. Дайте я попробую, тут подход нужен. *(Подходит к Коробочке)*. Ты, матушка, Чичикова видела?

Коробочка. Как не видела, видела.

Прокурор. Купил он что у тебя?

Коробочка. Купил, за пятнадцать рублей. И птичьи перья тоже покупает...

Прокурор. Какие птичьи перья...

Коробочка. И много всего обещался закупить, в казну сало ставит...

Губернатор. Что куда ставит?

Коробочка. И потому, наверное, плут, ибо уж был один такой...

Губернатор. Какой?

Коробочка. Который покупал птичьи перья и в казну сало поставлял, да обманул всех и протопопшу более чем на сто рублей.

Губернатор. Всё?

Коробочка. Всё.

Губернатор. Я ничего не понял.

Прокурор. Прикажете повторить?

Губернатор. Нет! нет! Достаточно! *(Выпроваживают Коробочку. Губернатор испускает отчаянный вздох)*.

Прокурор. Ещё свидетелей?

Губернатор. Нет! Нет! Не надо ещё... С ума можно сойти от таких свидетелей. Теперь кто-то мне должен сказать, что же это такое — коллежский советник Чичиков? *(Пауза)*.

Полицмейстер. А знаете ли, господа, кто это?

Губернатор. Кто?

Прокурор. Наполеон. *(Пауза)*.

Губернатор. Этого ещё не хватало! Так. Дам попрошу покинуть зал!

Жена губернатора. Что?!

Жена прокурора. Это ещё почему!

Губернатор. Дело государственной важности. Особой секретности требует. Исполнять! *(Женщины уходят)*.

Жена полицмейстера. *(Уходя)*. Ну это уже совсем никуда не годиться, это мы Чичикова разгадали!

Губернатор. Наполеон! Вот, до чего дошло! Наполеон в моей губернии! Я помню, в газете читал, англичанин, дескать, издавна завидует, что Россия велика и обширна, что, быть может, и выпустил Наполеона с острова Елены, и напрямик в Россию! В Россию! И прямо в мою губернию. А мы проглядели?! А если до государя дойдёт?!

Манилов. Позвольте, почему ж сразу Наполеон?

Полицмейстер. А если не Наполеон?

Губернатор. Как мы сразу его не узнали? Ведь похож.

Прокурор. Особливо, если боком станет.

Губернатор. Боком — вылитый! А отсюда до Москвы рукой подать! Француз под Москвой, а мы пуза не чешем!

Полицмейстер. Трубить тревогу?

Собакевич. Да прирезать его, и дело с концом. *(Входит капитан исправник)*.

Капитан исправник. Там Ноздрёв, войти требует.

Губернатор. Ноздрёв? Это которому Чичиков брат родной? Подавай-ка сюда Ноздрёва! *(Капитан исправник выходит)*.

Сцена 16.

Капитан исправник впускает Ноздрёва.

Ноздрёв. Ба, какая компашка! Жаль поручика Кувшинникова с матадурой нет!

Губернатор. Ноздрёв, извольте отвечать на наши вопросы честно, полно и откровенно.

Ноздрёв. Да я вообще врать не умею, если хотите знать! Ненавижу врунов! Вот коль ты плут, так враг мне! И в рожу тебе плюну!

Губернатор. Ну это мы знаем... Покупал ли Чичиков мёртвых душ?

Ноздрёв. Покупал. На несколько тысяч закупил, и я сам ему продал, потому не вижу причины почему ему не продать!

Прокурор. Не известно ли вам, а может Чичиков шпион?

Ноздрёв. Шпион. Конечно шпион, да ещё какой! Я ж с ним в школе учился, так его там так и называли — фискал, говорят, ты Чичиков! Фискал! Что ж ты шпионишь за всеми? Я ему говорю, ты ж мне как брат, Чичиков...

Полицмейстер. А не делатель ли Чичиков фальшивых ассигнаций?

Ноздрёв. Делатель. Давно известно. Такие ассигнации рисует — одно загляденье! Да вот в прошлом году был случай, забавный анекдотец, как узнали, что в доме Чичикова на два миллиона фальшивых ассигнаций, дом опечатали и поставили караул, а Чичиков, бестия, переменял их все в одну ночь. Так что на другой день сняли печати, увидели, что все ассигнации настоящие! *(Хохочет)*.

Губернатор. А точно ли, что Чичиков в некотором смысле имел намерение увезти мою дочку?

Ноздрёв. Так я ж сам ему помогал! Да, и если б не я, ничего б у него не вышло... Да всё уже было готово, обвенчались бы в Тухмачевке! Ну в Тухмачевке! В приходской церкви, отец Сидор — за венчание я выложил семьдесят пять рублей, и то он не согласился бы, если б я его не припугнул, что донесу, как он перевенчал лабазника Михайла на куме! Да ему даже коляску свою уступил, Чичикову! Да, бери, говорю, губернаторскую дочку, Чичиков, да беги! Эх! Гусар он, этот Чичиков, гусар!

Губернатор. Господи, что же это такое?!

Прокурор. А вот мы тут подумал, что а вдруг бы оказалось, что Чичиков — Наполеон.

Ноздрёв. Нет, Чичиков — не Наполеон.

Губернатор. Не Наполеон?

Ноздрёв. Не Наполеон.

Губернатор. Ну слава богу...

Ноздрёв. Какой же он Наполеон, он Робеспьер.

Губернатор. Кто?!

Ноздрёв. Да Робеспьер он — совершенно ясно! А кто ж ещё? И приехал сюда учинить революцию и террор, дабы установить республику! А всё дворянство и государя императора — под нож! Свобода, равенство, братство! Так и говорит мне! Душегубов, говорит, брат мой Ноздрёв, приехал изничтожить!

Прокурор. Всех?

Ноздрёв. Всех! Коммуну, говорит, буду строить! Демократию!

Полицмейстер. Господи боже мой, антихрист!

Ноздрёв. Как и водится, сам Сатана!

Прокурор. А-а-а... *(Прокурор не выдерживает, хватается за сердце, падает и умирает. Вбегают жёны. Все поражены. Пауза.)*

Ноздрёв. Каюк!

Начинаются похороны Прокурора. Траурная процессия.

Собакевич. Хороший был человек, только свинья...

Полицмейстер. И погиб на службе...

Жена прокурора. У него всегда за Россию-матушку сердце болело...

Губернатор. Прекраснейший был человек — это правда. Нам будет так не хватать его... *(Пауза. Многие плачут. Печальная пауза... Вдруг входит Капитан исправник.)*

Капитан исправник. Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, принять просят! *(Все поражены. Начинается паника. Все кричат и бегут)*

Губернатор. Нет! нет! Не пускать! Не пускать!

Жена прокурора. Убийца!

Жена губернатора. Похититель!

Полицмейстер. Армию! Бейте тревогу! Французы под Москвой!

Губернатор. Спасать Россию! Спасать государя императора! Спасайся кто может! *(Все, кроме Ноздрёва убегают.)*

Сцена 17.

Пустая сцена, где-то в углу сидит Ноздрёв. Входит Чичиков, осматривается.

Чичиков. Ничего не понимаю. Никто не принимает...

Ноздрёв. Что, не принимают?

Чичиков. Нет...

Ноздрёв. Понятное дело, напугались.

Чичиков. Чего напугались?

Ноздрёв. Так тебя и напугались!

Чичиков. Почему?

Ноздрёв. А ведь ты, однако ж, Чичиков, рискованное дело затеял.

Чичиков. Какое рискованное дело?

Ноздрёв. Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждал этого, ей-богу знал! Впрочем, напрасно ты сделал такой выбор, я ничего в ней не нахожу хорошего. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь: так вот уж девушка! Можно сказать: чудо коленкор!

Чичиков. Да что ты, что ты путаешь? Как увезти губернаторскую дочку? Что ты?

Ноздрёв. Ну, полно, брат, экой скрытный человек! Так и быть, поддержку венец и коляска будет моя, только с уговором: ты должен мне дать три тысячи взаймы. Нужны, брат, хоть зарежь! Только не фальшивые! Я ведь знаю, ты у нас мастер делать фальшивые бумажки...

Чичиков. Как фальшивые бумажки?

Ноздрёв. Всем известно, что ты делатель фальшивых ассигнаций! Да, и что разбойник!

Чичиков. Как разбойник?

Ноздрёв. Разбойник, капитан Копейкин, ну тот, что без руки и ноги!

Чичиков. Так ведь у меня есть руки и ноги...

Ноздрёв. Ну руки-то и ноги фальшивые, не надо мне показывать... Но я тебя спас, Чичиков! Благодарю меня, брат, спас я тебя! Себя не пожалел! Но спас, однако ж, ей-богу, Чичиков, спаси и меня — пять тысяч! Взаимы! Всего пять тысяч! Ну хочешь шарманку в залог?

Чичиков. Как спас?

Ноздрёв. Я сказал, что ты не разбойник...

Чичиков. Ну слава богу...

Ноздрёв. И не Наполеон. Представляешь, они тебя за Наполеона приняли? Смеху-то было! Я им и говорю, какой же Чичиков Наполеон? Нет, я им сказал, что ты не Наполеон...

Чичиков. Спасибо тебе...

Ноздрёв. Я сказал, что ты Робеспьер.

Чичиков. Кто?!

Ноздрёв. Ну ты ж Робеспьер, Чичиков, мне-то уже врать не надо! Всё я про тебя знаю! Знаю, что государя императора казнить хочешь, и эту, как её, к чёрту, республику установить! Ты ж заговорщик, Чичиков! Я б тебя повесил, честное слово, повесил бы! Ты ж опасный тип! Вот и прокурор...

Чичиков. Что прокурор?

Ноздрёв. Умер. Как узнал, что ты антихрист, так и умер... Вот так, Чичиков, такие дела... Так что, Чичиков, одолжишь три тысячи? Нет? Жаль... Жаль, а я ведь к тебе со всей душой... Ну, бывай, Чичиков. Дай тебе на прощание, один безе в твою щёчку... Люблю я тебя, Чичиков, ой люблю... *(Целует совершенно потерянного Чичикова. Уходя.)*. А мёртвыми, ты это, бросай торговать. Не доведёт тебя это до добра, не доведёт... *(Уходит)*.

Бал! Бал! Бал!